

КОРАНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ-РОМАНТИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

QURANIC MOTIVES IN THE WORK OF RUSSIAN ROMANTIC POETS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

S. Bagirova

Annotation

The article examines the artistic features of the embodiment of the Quranic motifs in the work of Russian Romantic poets of the first half of the 19th century. The connection of this current with the processes occurring in the literature, the poetic originality and the functional role of the Quranic motifs in Russian Romanticism are considered. The criteria for the study of oriental motifs in Russian romantic literature are generalized.

Keywords: Russian literature, spiritual culture, Romanticism, Eastern poetry, oriental form, the Koran, Islam.

Багирова Севиндж Агадин гызы
Соискатель,
Бакинский славянский
университет

Аннотация

В статье изучены художественные особенности воплощения коранических мотивов в творчестве русских поэтов-романтиков первой половины XIX века. Рассмотрена связь этого течения с процессами, происходящими в литературе, поэтическое своеобразие и функциональная роль коранических мотивов в русском романтизме. Обобщены критерии исследования ориентальных мотивов в русской романтической литературе.

Ключевые слова:

Русская литература, духовная культура, романтизм, восточная поэзия, ориентальная форма, Коран, ислам.

По классической терминологии, иноязычный для русской литературы и культуры, коранический текст – это единство сакральных смыслов, наличествующих в структуре его лексико-семантических элементов. Для рядовых читателей, которые хотели бы глубже познать ряд житейских "секретов", сокрытых в этой Священной книге мусульман, Коран является уникальным образцом огромного количества моральных заповедей. Но для современных исследователей разных профилей – это аксиома, принимаемая без комментариев. Учёные – филологи, историки, философы-религиоведы и другие анализируют коранический текст целиком как системообразующее явление мусульманской культуры. Для узкого круга специалистов, Коран – своего рода настольный материал, исполненный "относительных истин". Большинство из них справедливо рассматривает Коран как целостный текст, в структурном отношении являющий собой упорядоченную систему сакральных знаков. Некоторые из них до сих пор не расшифрованы или оставляют сомнения в точности и верности их трактовки. Исследователи не без основания считают, что в Коране изложен базовый комплекс религиозно-духовных и социально-политических взглядов, правовых и этических норм, являющихся ценностными ориентирами для мусульманского мира до наших дней.

Для русских поэтов-романтиков указанной поры – это прежде всего свод правил благочестивого поведения ве-

рующих, а также наглядное представление "сильных поэтических фраз". Среди известных поэтов-романтиков первой половины XIX века с Кораном, как доказывают многие учёные, в большей или меньшей степени были знакомы А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Фет, В. Иванов, Н. Гумилев, А. Майков, П. Гнедич, В. Соловьев, И. Северянин, Э. Багрицкий и некоторые другие. Любопытная деталь: среди перечисленных есть и такие, которые избрали себе литературный псевдоним Хафиз. Он, как считают учёные-богословы, держал в памяти каждое слово Корана. В свою очередь коранические связи в русской романтической литературе достаточно ясно прослеживаются на протяжении всего XIX столетия. Но начальным звеном огромной по длительности и глубокой по содержанию жанрово-тематической цепочки, по праву считается стихотворный памятник "Подражания Корану" Пушкина. Однако он хорошо известен не только в широких кругах любителей словесности, но и основательно разработан в критике. Поэтому мы оставим его в стороне от нашего рассмотрения и целью настоящей статьи сделаем краткий обзор менее известных сочинений на коранические темы. В центре нашего внимания будут избранные стихотворения П.Я Полонского, П. Манессеина и П. Катенина.

Итак, обратимся к наиболее характерным, на наш взгляд, примерам. В 1844 году Я.П. Полонский написал стихотворение "Магомет перед омовением", которое непосредственно связано с текстом священной книги.

Основной упор русским поэтом-романтиком сделан на кораническое положение о "временности земли", суе-ты и бренности человеческого существования, то есть и того, что ранее казалось прочным. Всё в руках Аллаха! – утверждает автор. Однако такое суждение, по всей видимости, не имело бы особого значения для исследователей и рядовых читателей, если бы в нём мы не обнаружили скрытых структур. И потому знаменательно, что Полонский следует той романтической традиции, основы которой были заложены ещё В.А. Жуковским и ранним Пушкиным. То есть, в подтексте стихотворения есть символический знак, посредством которого читатель, входя в сюжетную ткань мусульманского текста, смог бы проникнуться самим "духом восточным".

Таким ключевым символом, имеющим к тому же оп-ределённое эстетическое воздействие, становится гора. А внутри структуры этого символа заложена идея "одухо-творенности" высочайшей точки пространства, прибли-женной к небу, значит, к обители Аллаха. Горы, по Корану, – это ровесники сотворения мира, его "высокое" прояв-ление и средоточие. Вот почему этот ключевой символ, сопровождающий образ молящегося, характеризует как паломника, так и свидетельствует о вневременности все-го происходящего на Земле. Парадокс, неразрешимый логикой поэта или писателя-реалиста, но вполне уклады-вающийся в пределы романтического мышления Полон-ского.

Что же это за символический знак? Автор пишет:

"Земля сгорит и лопнет камень,

И упадут

На рубежах поставленные горы.

Лишь ты одна

Кипящими зальешь волнами Развалины

Пылающего мира, и густой,

Горячий дым"

Прокатится, гонимый ветром, из края в край (6, с.

135).

В вышеприведенном отрывке, производящем, на наш взгляд, наиболее сильное эстетическое воздействие – это гора. Заметим: структура этого символа в мусульман-ской культуре значительно отличается от своего евро-пейского эквивалента. Так, в языческих культах горы ча-сто считались обителью богов земли, поскольку несли доминантную семантику незыблемости, прочности, древ-ности. Но подобная мысль в культуре ислама претерпе-вает существенную трансформацию. Коран констатиро-вал, что горы, хотя и твердо стоят на земле, чтобы сделать ее устойчивой, структурно подобны облакам: "И ты уви-дишь, что горы, которые ты считал неподвижными, – вот они идут, как идет облако по повелению Аллаха, который выполнил в совершенстве все. Поистине, Он сведущ о том, что вы творите!" (1, с. 88). Отталкиваясь от значений крепости и устойчивости, ислам добавляет к ним в струк-

туре символа знак "минус": по всей видимости для того, чтобы ярче подчеркнуть бренность мира (это один из на-иболее ярких лейтмотивов Корана).

Вряд ли Я. Полонский в этом стихотворении не учиты-вал символических знаков, связанных с молитвой или с символикой гор в Коране. Так, в День Страшного Суда, согласно кораническому положению, горы, падая, будут подобны "расчесанной шерсти": "Терпи же терпением хо-рошим – ведь они видят это далеким, а Мы видим это близким, в тот день, когда небо будет, как медь расплав-ленная, и будут горы, как шерсть, и не спросит друг о дру-ге – будут они им показаны воочию" (1, с. 4–11).

Итак, не зря, по мысли Полонского, во время омове-ния "упадут на рубежах поставленные горы". Это в исла-ме нечто иное, как знаки вечного присутствия Бога. Именно поэтому в Коране Аллах клянется ими, когда призывает человека к вере. То, что Джалаладдин Руми называл "экстатическим танцем горы" есть факт прояв-ления могущества Бога, с одной стороны, и признания этого Вселенной, с другой. Горы, как и все, сотворенное Богом, признают своего Творца: "Неужели ты не видишь, что перед Аллахом падают ниц те, кто на небесах и на земле, солнце, луна, звезды, горы, деревья, животные и многие люди. А многие из них заслуживают мучений." (1, с. 18).

Высокие горы выступают пороговой областью между сотворенной Вселенной и бесконечным Богом: "Клянусь горой [Синай]! Клянусь Писанием, начертанным на раз-вернутой нежной коже! Клянусь домом наполненным (храмом на седьмом небе)! Клянусь кровлей возведен-ной! Клянусь морем разоженным (или переполненным; или опустевшим; или перемешанным)! Наказание твоего Господа непременно наступит, и ничто не отвлечет его. В тот день небо содрогнется от колебаний, а горы придут в движение" (1, с. 1–10). Ближневосточная мифологема "Синай" формирует представление о горе, которая окру-жает всю Землю.

Конечно, не стоит преувеличивать значения приве-дённого стихотворного отрывка. Трудно в точности ска-зать, в какой степени автор проник в структуру значений указанного символа. Не следует забывать и о том, что Полонский был поэтом-романтиком, потому, видимо, и писал о низвержении гор на землю. Многие азербай-джанские учёные уже основательно доказали, что в Ко-ране символ имеет приземлённый характер, то есть но-сит реалистический оттенок. Однако текстовая данность стихотворения не оставляет сомнений в его мусульман-ском происхождении. Более того, в данном случае необ-ходимо рассматривать это сочинение как развернутую символическую структуру, обращенную в сторону му-сульманской модели смыслопорождения.

Стихотворение Полонского, на наш взгляд, тематически перекликается со стихотворением (точнее, "малой поэмой") Петра Манассеина "Ад и рай Магометов", созданной примерно в те же годы. В основу этого стихотворения (названного самим автором "малой поэмой") тоже положена молитва, но переданная в другой форме и с помощью иных лексико-семантических средств. Сохранена центральная идея – обращение к Аллаху, но восхваление его дел нерукотворных дано в виде клятвы:

*"Клянуся ночи темнотой,
Клянуся солнцу восхода"
Невыразимой красотой* [6, с. 141].

Есть некоторая разница и в сюжетном отношении. Если Полонский всю силу вдохновения вложил в копи "чёрных гор", то Пётр Манассеин расширяет до бесконечности пространственно-временную протяженность чудесных творений Аллаха буквально во всём. Его не только призывают в роли великого судии над людскими пороками ("Молитва" Полонского), но и живописуют как творца мироздания. Восхищение поэта передано в природе, которую Он создал ("Воскреснем мы и вся природа!"), в силах небесных ("Воззри, как землю зной палит // В расщелине бесплодной, горной // Но дождь пролился благотворный // И землю вновь боготворит"), в естественных физических потребностях, необходимых человеку для жизни ("Не зришь ли, полон изумленья // Там плод для вкуса, цвет для зренья?...") и т.п.

Но всё, что создано Всевышним для духовных запросов личности и материальных благ, направлено на разумное воздержание и веротерпимость. Конечно, тот факт, что всякий смертный в свой час предстанет перед судом Божиим, в литературе использовался неоднократно. Причём, вполне обычная деталь отражалась и ранее в творчестве русских поэтов и писателей, не придерживавшихся метода романтизма. Однако какой необычный сюжетный поворот найден автором, и свежее содержание вложено в старое, казалось бы, давно избитую форму. П. Манассеин пишет о том, что в единый миг – совершенно неожиданный, смертными никак не запланированный ("человек предполагает, а Бог располагает"), всё может измениться на Земле. И тот, кто создал мир в благость людям, может обрушить на него и все несчастья. Тогда и наступит "непреложный суд" для грешных. И пред судилищем предстанут люди, ведущие легковёрный образ жизни, не привечавшие бедных и сирых, бросавших или предававших друзей, "стоустной клеветой поражающих жён непорочных" и т.п. Но Аллах согреет теплом своим души не заблудших. И словно в дантовском загробном мире, разделённом на рай, чистилище и ад, П. Манассеином разведены по обе стороны грешники и праведники. В этом смысле вышеуказанное стихотворение Я. Полонского следует рассматривать, как знамение Аллаха, выраженное в форме обязательного для мусульманина намаза, а

"малую поэму" П. Манассеина, как предупреждение. Но оба поэта, как нам видится, не выходят за границы романтического умонастроения, так как главные их помыслы неизменно устремлены ввысь, а души страждущих или облагороженных свыше показаны как характеры идеализированные, во многом даже исключительные.

Привлекает внимание и следующий нюанс: язык и стиль "малой поэмы" Петра Манассеина, как выясняется, очень близок пушкинскому пророку. Здесь тот же глас вопиющего в пустыне, несколько амбициозная манера автора брать на себя роль пророка, если его уста "разверзнутся" и будут вещать словами Аллаха. Наконец, в этом сочинении очень много церковнославянизмов, стилистических оборотов, присущих не столько литературному языку поэтов пушкинской поры, сколько Г.Р. Державину, М.В. Ломоносову и другим. Это: "уверуешь", "уста", "очи", "Отлёта жаждущие крыла", "мощная десница", "денница", "всеведцу явен", "вотще поищите следов" и многие другие. Этих словесных оборотов мы не встречаем в стихотворении Я.П. Полонского "Молитва".

Мы привели два характерных примера, связанных с пророком и его молитвой. Но молитва или клятва, в отличие от образов самого Мухаммеда, в приведённых сочинениях русских поэтов-романтиков, здесь имеет прямой смысл. В них не следует искать религиозной опоры, так как в этом сама суть жизни мусульман. В русском романтизме указанной поры поступки героев, которые непосредственно проецируются на ислам, то есть непосредственно отражают коранические мотивы, зачастую напрямую или опосредованно формируют религиозный образ. Иными словами, действия человека, мотивации, психологические побуждения, как бы проходя сквозь религиозную оболочку, находят себе романтизированное объяснение. Здесь, как правило, мистика удивительным образом переплетается с мечтой романтиков об идеальном мироустройстве, в которое восточные заповеди вносят элемент мудрости и умеренности против несколько импульсивных действий русских людей.

Следует подчеркнуть, что создание "восточной атмосферы" для русских романтиков-ориенталистов первой половины XIX века было делом очень важным, можно сказать, первостепенным. С этой целью писателями активно использовались специфические для древней и средневековой мусульманской поэзии идейно-художественные и композиционные приёмы. Примечательно, что диапазон таких приёмов был широким – от употребления соответствующих архаизмов, историзмов, диалектизмов, слов и выражений, имеющих восточные корни, – до разных лексических вариантов, стихотворных размеров синтаксиса. Последний включал в себя принятие элементов восточного стиля и композиционное членение поэтического текста.

Ярким примером, по нашему мнению, может служить заявленное в нашей статье стихотворение Павла Катенина "Гнездо голубки". Что представляет собой автор? Несмотря на малую изученность его небольшого творческого наследия, П. Катенин, по признанию некоторых критиков, был литературным наставником самого Пушкина. Блестящий знаток всемирной истории, в том числе истории Исламского Востока, он слыл в русской романтической поэзии талантливым реформатором идей, экспериментатором в области формы и содержания.

В двух предыдущих случаях мы отыскиали для иллюстративных примеров образы пророка и вершителей человеческих судеб на Востоке. В "Гнезде голубки" нарисован образ сурового и непреклонного арабийского вождя Амру из свиты достопочтенного Халифа Омара. Правоверность – главная черта его характера, сущность всех убеждений, опора власти и мера воздействия на неверных. Огнём и мечом пройдясь по африканским водам Нила, вторгнувшись в долины Египта, отвоевав земли упорных гяуров, восточный правитель "сеял зёрна вечного Корана". Ради победы над теми, кто не признавал Ислам, он готов бы потопить в крови целые города и сёла, сжечь богопротивные, по его убеждению, книги, казнить "жён, старцев, сосущих младенцев". Однако эта жестокость в некоторой степени оправдана идейными соображениями, ибо центральный герой стихотворения Катенина – "человек идеи", и поступает он по известному маккиавелевскому принципу: "цель оправдывает средства".

Но неожиданно в строй жестоких помыслов врывается мысль о защите "сизой голубки", малой птахи, невинного божьего создания, никогда и никому не причинившего вреда ("Ангел Божий сам беседу с Пророком // Вёл через голубку"). По мнению полководца, голубка – птица вещая и святая, помощница в делах ратных, "носительница вестей по воздуху". Убивать её или разорять гнёзда птенцов не только по мусульманским, но и общечеловеческим законам – дурная примета и преступление. И потому "грех не дать птенцов ей выкормить к жизни".

Видно, что Павлом Катениным выведен совершенно неординарный тип восточного владыки, который на чашу весов ставит жизнь вражеских городов, подлежащих уничтожению, сожжению и разорению, с одной стороны, и защиту священной по Корану птицы – с другой. Воинский долг истинного мусульманина и элементарная человеческая жалость в такой степени разнятся между собой, что полностью исключают одномерность в толковании поведения личности.

Указанное не случайно. Так, небезынтересно заметить, что во многих произведениях поэтов и писателей-романтиков первой трети XIX столетия чаще всего одномерные оценки отсутствуют. Более того, порою авторы

намеренно камуфлируют основную идею, истинный смысл которой, как правило, раскрывается по ходу сюжета. Например, портрет мусульманина может быть нарисован таким образом, что в нём выделен исключительно позитив, либо его буйный нрав скрыт за благообразными чертами лица. Но в дальнейшем выясняется, что эта личность обрисована саркастически или писатель показывает его с отрицательной стороны, с мягкой иронией. Напротив, за отрицательными качествами может впоследствии угадываться положительная или, по крайней мере, рефлектирующая личность.

Оказывается, Катенин придерживался аналогичных принципов. Так, финальная сцена анализируемого стихотворения словно предопределила знаменитую сцену из повести Пушкина "Дубровский", в которой слуга, подвергнув сожжению господский дом с его ненавистными обитателями, спасает кошку ("божью тварь").

Мы не случайно привели это сравнение. У Пушкина-реалиста выделена сильная этико-социальная сторона. А именно: полуграмотный крестьянин из морально-этических соображений спасает невинное животное. Действия Дубровского социально мотивированы, то есть продиктованы, как известно, стихийным бунтом. Никакого символического подтекста в повести нет. Стихотворение поэта-романтика Павла Катенина имеет иную подоплеку. Если прочесть его полностью, то станет ясным: автор применил синтез разнородных стилевых элементов, что характерно для древней восточной поэзии и мусульманского текста, в котором священная птица неприкосновенна. На её жизнь наложено табу.

Настоящим сравнением мы хотели показать расширение системы внутренних инвариантных отношений, присущих структуре мусульманского текста в русской романтической литературе интересующего нас периода. Существо дела заключается в том, что статусом значимого элемента в любом мусульманском тексте наделяется не просто отдельное художественное произведение и его содержательные элементы, но и вся совокупность символических знаков. Здесь роль такого "расширителя" играет не злая воля восточного правителя, который превзошёл все мыслимые границы человечности, но прежде всего священная птица (Недаром же, наверное, в основу этого сочинения положены не воинские заслуги правителя, а отношение к священной птице). Жалуют её и все воины, хотя с жестокостью главного действующего лица вполне солидарны.

Можно подвести итоги. Во всех трёх стихотворениях, анализ которых был целью нашей статьи, с разных позиций использованы коранические мотивы. Для Полонского они вложены в молитву Всевышнему, который творит суд над всем миром и каждому воздаёт должное. Та же

тема варьируется у П. Манассеина в форме клятвы. И, наконец, П. Катенин показал нам образ восточного правителя с нетрадиционной для реализма, но приемлемого для почерка поэта-романтика точки зрения. А именно: в герое-владыке переплетено как положительное, так и отрицательное начало. Таким его воспринимают и окружающие. Несопоставимые для реалиста понятия – жестокость, тирания жалость к "божьей твари", священной по Корану, вполне уживаются в одном человеке, не вызывая удивления или нареканий.

Но есть и общее начало у трёх сочинений. Можно констатировать идею идентификации иноязычного для

русских романтиков текста, в котором с помощью символа произошло сочетание стилей, присущих кавказским легендам, поверьям, преданность сакраментальному тексту, которым переполнен Коран. Более того, мировоззрение названных в статье поэтов-романтиков легко укладывается в систему онтологических оппозиций "жизнь-смерть", "мечта-реальность", "свое-чужое". Именно эти оппозиции в романтическом ориентализме со смысловым центром "мусульманский Восток" при критическом взгляде обнаруживают скрытые текстовые структуры. Преимущественно на них и была основана литература, в которой коранические мотивы играли очень важную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коран. М.: Художественная литература, 1981.
2. Алексеев П.В. Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820 – 1830-х годов". Автореф.: канд. ... филол. наук. Томск, 2006.
3. Березкина С.В. "Пророк" Пушкина: современные проблемы изучения // Русская литература, 1999, №2.
4. Гаджиев Агиль. Кавказ в русской литературе первой половины XIX века. Баку: Язычы, 1982, 159 с.
5. Hacıllı A. Qurani Kərim rus ədəbiyyatında. Bakı, Kitab aləmi, 2009.
6. Незримое благословение. Исламский Восток в русской поэзии. Нижний Новгород: Нижегородский исламский институт имени Хусаина Фаизханова. М.: Наталис, 2008.

© С.А. Багирова, [bitkovskayay@inbox.ru], Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

АЛС Чита-Лаборатория

672003, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Трактовая, 35а
т. +7 (3022) 36-80-38, 36-76-20, e-mail: chita.office@alsglobal.com

www.als-russia.ru

ПРЕДОСТАВЛЯЕМ ЗАКАЗЧИКАМ ВЫБОР АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕТОДИК ОПРЕДЕЛЕНИЯ:

- золота, платины и палладия
- многоэлементный (до 35 элементов) анализ (почти полное разложение)
- следовых содержаний (литогеохимия, вторичные изменения)
- золота и серебра с использованием гравиметрического окончания
- общего, органического и карбонатного углерода
- общей, сульфатной и сульфидной серы
- объемной плотности зерновых и бороздовых проб
- железа магнетита и массовой доли оксида железа (II)

